

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СМЫСЛОЖИЗНЕННОГО КРИЗИСА

*К.В. КАРПИНСКИЙ, кандидат психологических наук,
старший преподаватель Гродненского государственного университета
им. Я. Купалы*

Статья посвящена психологическому анализу кризиса смысла жизни. Обсуждаются вопросы эпидемиологии, этиологии, феноменологии смысложизненного кризиса, а также его патогенетического влияния на личность. Предлагается психологическая характеристика кризиса в пространстве концептуальных оппозиций его понимания: «нормативный – ненормативный», «эндогенный – экзогенный», «деструктивный – конструктивный», «причина – следствие по отношению к расстройствам личности и нарушениям поведения».

Ключевые слова: жизненный путь личности, субъект жизни, смысл жизни, смысложизненный кризис, кризис смысла жизни, кризис бессмысленности.

*Для сохранения душевного равновесия человеку
нужна какая-то цель в жизни, которую он считает
высокой, и гордость, что он трудится ради ее
осуществления.*

Г. Селье

Проблема психологических кризисов в формировании и функционировании личности является весьма актуальной для современной науки. Уровень ее разработанности напрямую определяет возможности решения развивающих, профилактических, коррекционных, терапевтических и реабилитационных задач. Данная проблема изучается преимущественно в возрастном аспекте, причем основное внимание исследователей сконцентрировано на критических периодах детства. В то же время кризисы развития зрелой личности остаются сравнительно малоизученными. Такое положение объясняется тем, что всякое исследование психологических кризисов тесно сопряжено с возрастной периодизацией человеческой жизни, в которой, как известно, четкому разграничению поддаются лишь периоды детства, в то время как границы более поздних стадий жизненного пути являются расплывчатыми и трудноуловимыми. Это обусловлено фундаментальной психологической закономерностью становления личности, согласно которой на выходе из подросткового и юношеского возраста она превращается из объекта развития в субъект саморазвития, автономно строящий индивидуальный жизненный путь и задающий его неповторимую периодизацию.

В силу указанной закономерности детские кризисы в большей степени провоцируются внешними факторами, в частности, сменой социальной ситуации развития и ведущей деятельности, нежели кризисы зрелого и позднего возраста, которые максимально зависят от личности – главной внутренней детерминанты собственного развития. Недостаток психологических знаний о периодах и кризисах взрослости во многом обусловлен сложностью и труднодоступностью для исследования психических механизмов и закономерностей самодетерминации личности в масштабе целой жизни.

В качестве теоретической основы для изучения кризисов развития взрослого человека может использоваться психология жизненного пути личности, которая в настоящее время завоевывает статус самостоятельной отрасли. Ее предмет как раз и составляют психические феномены, механизмы и закономерности построения личностью индивидуальной жизни, ввиду чего эта отрасль может быть также названа психологией личности как субъекта жизни. Центральной задачей данной отрасли является раскрытие того, каким образом личность превращает свою жизнь в индивидуальный жизненный путь, из продукта биографии становится ее творцом.

Для этого требуется специальное исследование особых психобиографических образований, действующих личности в овладении и управлении ходом индивидуальной жизни. Психобиографические образования – жизненные цели, планы, программы, временная перспектива, субъективная картина жизни и другие – конституируют целостную систему психической регуляции жизненного пути личности, функциональным ядром которой служит смысл жизни. Поиск и реализация смысла жизни, соответственно, выступают и как основные задачи, и как наиболее общие предпосылки для утверждения личности в качестве субъекта жизни [4].

С этих теоретических позиций наиболее серьезным кризисом становления зрелой личности видится смысложизненный кризис (кризис смысла жизни, или кризис бессмысленности). В рамках психологии жизненного пути он интерпретируется не как один из частных кризисов, а как системный кризис, разваливающий систему психической регуляции жизненного пути, блокирующий становление личности как субъекта жизни, подрывающий её психическое здоровье. Углубленное исследование подразумевает выявление широты распространения (эпидемиологии), причинной обусловленности (этиологии), феноменологии (симптоматики) и патогенетического воздействия смысложизненного кризиса на психическое здоровье личности.

Эпидемиология смысложизненного кризиса. Специальные эпидемиологические срезы, направленные на определение широты распространения кризиса смысла жизни, не проводились, поэтому о частоте встречаемости данного явления можно судить лишь по косвенным данным. Если принимать во внимание мнения философов, социологов, литераторов, то синдром смыслоутраты присущ современному обществу в целом. Причем лидируют здесь высокоразвитые страны Западной Европы и Америка, хотя в последнее время их стали догонять государства Восточной Европы, СНГ, Азии и Африки. Столь обширный размах кризиса бессмысленности в современном мире часто объясняется макросоциальными и даже цивилизационными факторами, среди которых упоминаются: дефицит подлинных смысложизненных ценностей, направляющих человеческую жизнь (Э. Дюркгейм); избыток и быстротечность социальных перемен, информационные и ценностные перегрузки человека (А. Тоффлер); чрезмерное культурное разнообразие, атрофия социальных связей и неограниченная индивидуализация людей (Ф. Фукуяма); столкновение между

ценностями различных цивилизаций (С. Хантингтон); вытеснение истинных смысложизненных ценностей псевдоценностями тоталитарных идеологий (Э. Фромм); отчуждение современного человека от родовой человеческой сущности (М. Мамардашвили) и др.

По сообщениям исследователей и клиницистов экзистенциально-гуманистической ориентации, смысложизненный кризис переживают от 20 до 80% пациентов психиатрических лечебниц, а также психически нормальных лиц. Эти цифры не вызывают доверия по двум причинам. Во-первых, исследователи, приводящие эти данные, очень редко ссылаются на метод сбора информации (чаще всего он представляет собой свободный опрос). В тех же случаях, когда исследование проходит не в импровизированной, а в строгой форме (тестирование репрезентативной выборки психометрически проверенным инструментом), статистика смысложизненного кризиса едва достигает 20 % как у пациентов, так и среди психически здоровых лиц (см. [17]). Во-вторых, до сих пор не выработано единое представление о симптоматической картине кризиса бессмысленности, позволяющее проводить его идентификацию и дифференциальную диагностику. Показателен факт, что бессмысленность как самостоятельный клинический синдром не входит в официальные систематики психических расстройств (МКБ и DSM). Следовательно, исследователи и психотерапевты достаточно свободны в его интерпретации и нередко признаки других пограничных состояний выдают за проявления этого кризиса. Необходимо, таким образом, признать, что диапазон распространения смысложизненного кризиса достоверно неизвестен, и эта проблема заслуживает особого внимания.

Для выяснения масштабов распространения данного кризиса необходимо разобраться с тем, является он нормативным или ненормативным.

С одной стороны, имеются все основания охарактеризовать обсуждаемый кризис как ненормативный, т. е. жестко не зависящий от возраста, поскольку у разных людей он наступает на разных стадиях возрастного развития, у одних не возникает вообще, у других – рецидивирует, третьих – преследует большую часть жизни. Ненормативный характер кризиса объясняется еще и тем, что он зачастую инициируется жизненными событиями, порядок совершения которых случаен и непредсказуем.

С другой стороны, генезис и динамика данного кризиса подчиняются некоторым универсальным закономерностям. Так, его самые первые

проявления никогда не обнаруживаются ранее отрочества, что обусловлено возрастными психологическими закономерностями формирования смысла жизни как особого личностного новообразования. По этой причине из периодов, подверженных кризису бессмысленности, следует исключить детские возрасты (в некоторых теориях смысла жизни, в частности, концепции А. Адлера, утверждается, что и в детстве возможна манифестация данного кризиса). Небезосновательно высказывается точка зрения, согласно которой все нормативные кризисы, начиная с юношеского возраста, считаются смысложизненными. В каждом из них много особенного, но все они объединены общей чертой – объективной необходимостью рефлексии, переосмысления и преобразования личностью своего жизненного пути, без чего невозможно её дальнейшее развитие. Поэтому любой кризис молодого, зрелого или позднего возраста должен обязательно сопровождаться интенсивными измерениями смысла жизни – личностного образования, которое регламентирует общую направленность жизненного пути.

Смысложизненный кризис, таким образом, может быть индуцирован как универсальными (нормативными) закономерностями возрастного психического развития, объективной логикой развертывания человеческой жизни, так и уникальными (ненормативными) событиями и поступками личности.

Этиология смысложизненного кризиса.

В решении вопроса об этиологии смысложизненного кризиса четко дифференцируются два подхода: событийный (центрированный на событии) и субъектный (центрированный на личности). В рамках событийного подхода кризис объясняется объективными обстоятельствами, которые возникают на жизненном пути личности, препятствуя реализации ее смысла жизни. Такая ситуация и расценивается как генерирующая смысложизненный кризис. По своим объективным параметрам данная ситуация может быть и относительно, и абсолютно неразрешимой, что позволяет, вслед за Ф. Е. Василюком, говорить о двух типах кризиса. «Кризис первого рода может серьезно затруднять и осложнять реализацию жизненного замысла, однако при нем все еще сохраняется возможность восстановления прерванного кризисом хода жизни. Это испытание, из которого человек может выйти сохранившим в существенном свой жизненный замысел и удостоверившим свою самостождественность. Ситуация второго рода, собственно кризис, делает реализацию жизнен-

ного замысла невозможной. Результат переживания этой невозможности – метаморфоза личности, перерождение ее, принятие нового замысла жизни, новых ценностей, новой жизненной стратегии, нового образа-Я» [3, с. 47].

Таким образом, в рамках событийного подхода кризис бессмысленности раскрывается как реактивное состояние, острая реакция личности на определенное жизненное событие. Этиологическая роль такого события заключается в том, что оно объективно лишает личность возможности реализовать принятый ею смысл жизни.

В контексте субъектного подхода ведущая роль в инициировании кризиса усматривается за личностью, поскольку именно она выступает субъектом определения и практического воплощения смысла жизни. В философской и психологической литературе последовательно проводится мысль о том, что смысл жизни является неотъемлемым условием нормального, полноценного существования личности. При этом явно или неявно предполагается, что главное – это наличие смысла в жизни вообще независимо от того, каков он по своим содержательным, формально-динамическим и структурным параметрам. Однако в реальности не всякий смысл жизни может обеспечить прогрессивное поступательное развитие личности и поддерживать высокий уровень ее психического здоровья и субъективного благополучия. В этой связи встают вопросы о критериях адекватного и неадекватного, конструктивного и деструктивного смыслов жизни [13; 14; 15], о признаках оптимальных и неоптимальных жизненных программ [2; 7] и стратегий [1]. Очевидно, что неоптимальный в содержательном, структурном, функциональном плане смысл жизни повышает риск возникновения психологических кризисов личности.

В исследовании Р. А. Ахмерова с позиций субъектного подхода предложена типология биографических кризисов личности, в рамках которой подразделяются кризисы бесперспективности, нереализованности и опустошенности [2]. Некоторые исследователи нередко отождествляют смысложизненный кризис с состоянием субъективной бесперспективности. Тем самым подразумевается, что он возникает исключительно по причине отсутствия или укорочения смысловой перспективы в жизни. Данная точка зрения является большим упрощением, так как в действительности бессмысленность может проявляться не только как кризис бесперспективности, но и протекать по типу кризисов опустошенности и нереализованности. Так, кризис опустошенности как

вариант смысложизненного кризиса можно констатировать при полнейшей реализованности, исчерпанности ведущих жизненных ценностей личности, кризис нереализованности – в случае осуществления личностью неадекватного смысла жизни и разочарования в пройденном пути. Кроме того, возможны комбинации этих «чистых» типов смысложизненного кризиса. Например, бесперспективность зачастую аккомпанирует опустошенности.

Таким образом, в рамках субъектного подхода кризис смысла жизни интерпретируется как состояние, обусловленное неадекватным смыслом жизни и неоптимальной стратегией его практической реализации. Ответственность за кризис возлагается на личность как активного субъекта, осуществляющего выбор смысла жизни, его корректирование и воплощение с учетом динамики жизненных обстоятельств и собственных возможностей. При учете различных субъективных причин оказывается, что кризис смысла жизни – это общее понятие, охватывающее многообразные по своей этиологии кризисы развития зрелой личности, в том числе кризисы бесперспективности, опустошенности, нереализованности и всевозможные их сочетания.

Необходимо признать, что названные подходы в отрыве друг от друга являются чистыми абстракциями, потому что в возникновении смысложизненного кризиса реально участвуют как внешние детерминанты, связанные с объективными жизненными обстоятельствами, так и внутренние, производные от личности как субъекта жизни. В каждом конкретном случае изменяется лишь удельный вес внешней и внутренней причинности в развитии кризиса, но одновременное присутствие событийной и субъектной детерминации остается неизменным фактом. С этой точки зрения разумным является не противопоставление внешних и внутренних причин, событийного и субъектного подходов, а разграничение двух этиологических форм кризиса в зависимости от превалирования объективных либо субъективных детерминант – экзогенной и эндогенной.

При экзогенном происхождении кризиса решающую роль играет объективно непреодолимая жизненная ситуация, которая обозначается разными терминами: «экстремальная», «стрессогенная», «критическая», «смыслоутратная» и др. Данная форма кризиса зачастую наступает даже при полной адекватности и гармоничности смысла жизни как психического образования. При эндогенном происхождении кризиса доминируют субъективные причины, связанные

с неоптимальным содержанием, строением или функционированием смысла жизни как элемента смысловой сферы личности. Данная форма кризиса часто назревает при объективно благоприятном стечении жизненных обстоятельств.

Итак, с точки зрения этиологии психологический кризис смысла жизни – это кризис личностного развития, порождаемый: а) отсутствием смысла жизни на почве неспособности личности его определить; б) обесцениванием, переоценкой смысла, ранее освещавшего и направлявшего жизнь; в) утратой смысла жизни в критической жизненной ситуации; г) исчерпанием смысла жизни в процессе реализации; д) дисгармоничностью смысла жизни по содержанию, структурным, функциональным и динамическим параметрам; е) неоптимальной стратегией практической реализации смысла жизни. С учетом этих множественных причин целесообразно дифференцировать понятия «смысложизненный кризис» и «кризис бессмысленности», которые обычно используются как синонимы. Смысложизненный кризис (кризис смысла жизни) – это наиболее общее понятие, обозначающее психологические проблемы личности, связанные с поиском и реализацией смысла жизни. Кризис бессмысленности – это наименование одной из разновидностей смысложизненного кризиса, происходящей от полного отсутствия смысла в жизни или, по мнению С. Мадди, от «всеобъемлющей неудачи поиска смысла жизни» [19]. Помимо данной частной разновидности наличествуют и другие виды смысложизненного кризиса, обусловленные не столько отсутствием смысла, сколько его ломкой, распадом, дисгармонией, задержкой в реализации.

Феноменология смысложизненного кризиса. Сложной исследовательской задачей является установление феноменологии смысложизненного кризиса, т. е. комплекса тех негативных психических проявлений, которые сигнализируют о фактах наличия / отсутствия и интенсивности его протекания. Наиболее полное феноменологическое описание данного кризиса встречается в художественной литературе, произведениях автобиографического жанра, например, в «Исповеди» Л.Н. Толстого, а также в работах экзистенциально ориентированных психотерапевтов. Анализ данных источников позволяет выделить и упорядочить характерные субъективные и поведенческие признаки кризиса смысла жизни. Эти признаки обычно описываются на языке психологических проблем и затруднений, которые личность

испытывает в сферах: а) смысловой регуляции и смыслообразования индивидуального жизненного пути (понимание, переживание и реализация смысла жизни); б) осознанной произвольной саморегуляции жизненного пути; в) психологического отношения к смерти; г) переживания психологического времени и психологического возраста; д) психологического отношения к прошлому, настоящему и будущему; е) жизневосприятия и построения субъективной картины жизненного пути; ж) переживания общей удовлетворенности либо неудовлетворенности жизнью; з) субъективного контроля жизни. Существенные изменения в период кризиса претерпевает также самосознание личности.

Самыми типичными и частыми проявлениями кризиса смысла жизни являются дисфункции психической регуляции жизненного пути личности. Причем эти функциональные нарушения затрагивают как смысловую регуляцию жизненного пути, так и осознанную психобиографическую саморегуляцию, которые образуют единую систему [5].

Психологические затруднения в сфере смысловой регуляции и смыслообразования жизненного пути являются первичными, поскольку кризис поражает смысл жизни – структурную и функциональную основу смысловой сферы личности. Эти затруднения проявляются в следующем: угасание потребности в смысле жизни и снижение активности, связанной с его поиском; отсутствие единой смысловой направленности и падение мотивации жизнедеятельности; обесценивание либо коренная переоценка прежних источников смысла жизни; дезинтеграция понимания, переживания и реализации смысла жизни (когнитивного, аффективного и конативного компонентов смысла жизни); чувство нереализованности или опустошенности, истощенности в жизни; проблемы с упорядочением (структурированием и иерархизацией) источников смысла жизни; содержательные противоречия в системе источников смысла жизни (конфликтный жизненный смысл); отрицательные переживания по поводу непродуктивности индивидуального жизненного пути; трудности в осмыслении жизненных обстоятельств и принятии биографически важных решений на основе системы смысложизненных ценностей.

Кризис угнетает систему осознанной саморегуляции жизненного пути, в отношении которой смысл жизни в норме выполняет системообразующую, интегрирующую и модулирующую функции. Чувство бесцельности и бесперспективности жизни, дезориентация в том,

что значимо, а что незначимо в ней, отсутствие планомерности, стихийность и хаотичность в поведении, утрата чувства контроля над жизнью, диффузия критериев и потеря адекватности оценивания, снижение критичности по отношению к жизненным достижениям, индивидуальному стилю жизни, принятие неадекватных жизненных решений – все это симптомы разлада регуляторных процессов полагания жизненных целей, планирования, программирования и прогнозирования жизненного пути, моделирования значимых жизненных условий, оценивания и контроля результатов жизнедеятельности, корректирования линии жизни.

Таким образом, с точки зрения феноменологии смысложизненный кризис – это субъективно трудный процесс интенсивных изменений личности, сопровождающихся отрицательными переживаниями по поводу непродуктивности индивидуального жизненного пути.

Патогенетическое влияние смысложизненного кризиса. Вопрос о патогенетическом влиянии смысложизненного кризиса на личность и ее адаптивные ресурсы чрезвычайно сложен и запутан. Прежде всего, кризису смысла жизни незаслуженно приписывается исключительно демобилизующее и аномализирующее влияние на личность. Утверждается, что в отличие от нормативных кризисов, необходимых для прогрессивного поступательного развития личности на протяжении жизненного пути, данный кризис относится к явлениям психотравматического либо невротического характера, разрушающим личность и её психическое здоровье. Это не вполне соответствует действительности, поскольку процессы переосмысления жизненных позиций и ценностей сопутствуют возрастной эволюции практически любой зрелой личности, что свидетельствует о нормальности и нормативности хода её психического развития. Актуализация вопроса о смысле жизни является показателем личностного роста, доказательством перерастания личностью старого образа жизни и перехода на новую ступень развития. Как пишет С.Л. Рубинштейн, «постоянная в ходе жизни переоценка ценностей является закономерным результатом диалектики жизни человека, изменения, перестройки его взаимоотношения с миром, прежде всего с другими людьми, с обществом» [11, с. 370]. То же отмечает В. Франкл: «Душевные страдания и кризисы взрослого, уже сложившегося человека, бьющегося в поисках содержания собственной жизни, не имеют ничего общего с патологией» [12, с. 160]. Поэтому смысложизненный

кризис нельзя рассматривать односторонне – как аномальное явление личностного развития или предвестник деградации личности.

В этой связи представляется целесообразным различать два варианта разрешения смысложизненного кризиса – конструктивный и деструктивный. При конструктивном варианте наблюдаются перестройка смысловой сферы личности, переориентация на новые жизненные цели, ревизия и коррекция жизненной позиции, что подготавливает изменения в реальной жизнедеятельности. Конструктивные пути преодоления кризиса всегда ведут к повышению уровня осмысленности и увеличению продуктивности жизненного пути личности. При деструктивном варианте кризис приобретает затяжной характер, превращаясь в источник психологической деформации и дезадаптации личности. Именно застарелый (хронический), непродуктивно преодолеваемый либо не до конца разрешенный смысложизненный кризис обладает мощным патогенетическим воздействием на личность.

Зачастую исследователи не дифференцируют кризис смысла жизни и его болезненные последствия в виде различных личностных расстройств, что является серьезной ошибкой. Ведь любой кризис сам по себе выступает как естественный момент развития, переходное состояние, которое может вести к интеграции и оздоровлению личности, равно как и к нарушению личностного здоровья и поведения. В силу данного обстоятельства кризис смысла жизни не может квалифицироваться как патологическое состояние. Здесь уместно обратиться к воззрениям В. Франкла и его последователей, которые в генезисе синдрома бессмысленности выделяют две стадии – экзистенциальный вакуум, или экзистенциальную фрустрацию, и экзистенциальный невроз. Первая стадия характеризуется возникновением и нарастанием субъективных переживаний бессмысленности; ее можно соотносить с состоянием смысложизненного кризиса. Вторая стадия, будучи кульминацией неразрешенного или неразрешимого кризиса, отличается выраженной клинической симптоматикой. Однако экзистенциальный вакуум не всегда и не обязательно влечет за собой личностное расстройство. Зачастую кризис активизирует смысложизненный поиск, стимулирует своеобразное просветление личности – отказ от неадекватного смысла жизни, осознание новых источников смысла, иерархическую реструктуризацию смысложизненных ценностей и др. Эти трансформации смысловой сферы и индивидуального сознания, как пра-

вило, содействуют повышению общего уровня осмысленности жизни [3; 8; 9; 10].

Таким образом, психологический кризис смысла жизни – это переходное состояние в личностном развитии, которое может нести патогенный потенциал лишь в случае выбора личностью непродуктивных стратегий его разрешения.

Сложилась широкая палитра мнений, порой контрастных, относительно связи смысложизненного кризиса с психопатологией (см. [6]). Всю совокупность мнений по данному вопросу можно свести к нескольким концептуальным позициям. Согласно одной из них, смысл и бессмысленность жизни – это клинически индифферентные и иррелевантные явления, которые не имеют ни саногенного, ни патогенного значения. Данная позиция опровергается результатами многочисленных эмпирических исследований, доказывающих, что осмысленность жизни является коррелятом психической нормы, а бессмысленность – «эквивалентом» (К. Юнг) психопатологии. Итоги подобных исследований резюмирует И. Ялом, который пишет: «Отсутствие ощущения смысла жизни способствует психопатологии грубо линейным образом: чем меньше ощущение смысла, чем больше тяжесть психопатологии» [16, с. 515]. В этой связи на сегодняшний день преобладает позиция, согласно которой неразрешенный кризис смысла жизни рассматривается как мощный фактор личностных нарушений, т. е. как клинически релевантный феномен. Эта позиция представлена двумя точками зрения. В соответствии с первой смысложизненный кризис порождает особую нозологическую форму личностного расстройства, отдельный клинический синдром, известный под разными названиями: «экзистенциальный невроз», «ноогенный невроз», «ноэтический невроз», «невроз бессмысленности», «синдром смыслоутраты», «экзистенциальная болезнь». Эту точку зрения разделяют В. Франкл и его идейные последователи (J. Fabry, E. Lukas, K. Popielski), а также иные психологи и психотерапевты преимущественно экзистенциально-гуманистической ориентации (J. Bugental, S. Kratochvil, A. Maslow, R. May, S. Maddi, I. Yalom, K. Obuchowski). Во всех случаях речь идет о личностной аномалии в «экзистенциальном модусе бытия», патогенез которой обусловлен хронической фрустрацией потребности в смысле жизни. По поводу этой клинической формы К. Юнг писал: «Отсутствие смысла играет критическую роль в этиологии невроза. В конечном счете невроз следует понимать как страдание души, не находящей своего

смысла. ...Около трети моих случаев – это страдание не от какого-то клинически определимого невроза, а от бессмысленности и бесцельности собственной жизни» (см. [16, с. 471]).

Вслед за В. Франклом различают две стадии синдрома бессмысленности – экзистенциальный вакуум, или экзистенциальная фрустрация, и собственно экзистенциальный невроз. На первой стадии констатируют патогенные факторы типа отсутствия, утраты, обесценения смысла жизни, что продуцирует клиническую феноменологию на второй стадии. Наиболее основательное описание этой феноменологии предлагает С. Мадди, который различает три основные симптоматические формы экзистенциального невроза: нигилизм, вегетативность и крусадерство. Все клинические формы этого невроза в той или иной мере пронизаны «убеждением в том, что жизнь бессмысленна и зла, апатией и неизбирательной, сумбурной активностью» [18, р. 13].

По подсчетам разных исследователей, доля пациентов, страдающих экзистенциальным неврозом, колеблется в пределах от 14 до 75 % и в среднем достигает 30 – 40 % от общего количества клинических случаев. Даже с учетом такой высокой статистики данная точка зрения остается во многом гипотетической, на что, в частности, указывает отсутствие «экзистенциального невроза» в современных таксономиях психических расстройств. В то же время собраны некоторые эмпирические доказательства в подтверждение дискретности экзистенциального невроза. Основываясь на данных, полученных с помощью PIL (Purpose-in-Life Test), Дж. Крамбо отмечает, что экзистенциальный невроз «не походит ни на один из конвенциональных (общепринятых) психиатрических синдромов, за исключением разве что депрессии» [17, р. 79]. Этот вывод оспаривается другими исследователями, которые на основе эмпирического и клинического материала отождествляют признаки экзистенциального невроза с симптоматикой прочих психических расстройств и тем самым растворяют экзистенциальную психопатологию в общей психопатологии личности (S. Baum, R. Vohley, W. Phillips). Представители же логотерапии отвечают, что экзистенциальный невроз может отождествляться с любой клинической формой личностного расстройства и чаще всего маскируется под алкоголизм, депрессию и прочие симптоматические картины. В этой дискуссии до сих пор не хватает ясности и убедительных аргументов.

Представители второй точки зрения считают, что не существует специфического невроза бессмысленности, но пониженное ощущение смысла жизни является критическим фактором аномального личностного развития – невротического, патохарактерологического, посттравматического (реактивного), девиантного (по делинквентному, аддиктивному и суицидальному типам), а также аффективных и психосоматических расстройств. В подтверждение данного мнения накоплен большой массив фактического материала, который, тем не менее, не дает ответа на вопрос: «Чем все-таки является бессмысленность – порождающей причиной или частным симптомом-следствием по отношению к разнообразным нарушениям личностного развития и поведения?». Эта проблема радикально поляризует позиции исследователей. С одной стороны, «бессмысленность рассматривается как симптом какого-то более значимого базисного состояния» [16, с. 502], а с другой – «едва ли оправдано считать экзистенциальный вакуум просто "еще одним симптомом" невроза» [12, с. 312].

Таким образом, в настоящее время вопрос о патогенетическом значении кризиса смысла жизни остается открытым и остро полемичным. Абсолютно ясно лишь то, что высокий уровень осмысленности жизни коррелирует с психической нормой, хорошей адаптацией и субъективным благополучием, в то время как низкий уровень осмысленности жизни сопутствует дезадаптации и психопатологии личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Ахмеров Р. А. Биографические кризисы личности: Автореф. дис. ...канд. психол. наук: 19.00.01 / ИП РАН. М., 1994.
3. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
4. Карпинский К. В. Личность как субъект жизни с позиций смыслового подхода // Акмеология. 2003. № 4. С. 25–49.
5. Карпинский К. В. Осознанная саморегуляция жизненного пути личности // Психологическая служба. 2003. № 4. С. 22–31.
6. Карпинский К. В. Проблема смысла жизни в современной зарубежной психологии: смысл жизни и психическое здоровье личности // Психологическая служба. 2004. № 4. С. 108–116.

7. Кроник А. А. Субъективная картина жизненного пути как предмет психологического исследования, диагностики и коррекции: Дис. ...д-ра психол. наук: 19.00.01 / ИП РАН. М., 1994.
8. Магомед-Эминов М. Ш. Трансформация личности. М.: Психоаналитическая ассоциация, 1998.
9. Пергаменщик Л. А., Орлова А. В. Смысл жизни и война: анализируя документы двух эпох // Психологія. 2003. № 3. С. 64–83.
10. Попогребский А. П. Влияние инфаркта миокарда на смысловую сферу человека // Психологический журнал. 1998. № 5. С. 113–118.
11. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
13. Чудновский В. Э. К проблеме адекватности смысла жизни // Мир психологии. 1999. № 2. С. 74–80.
14. Чудновский В. Э. Проблема оптимального смысла жизни // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: В 2 ч. / Под ред. А. А. Бодалева, В. Э. Чудновского, Н. Л. Карповой. Ч. 1. М.: Смысл, 2004. С. 7–23.
15. Чудновский В. Э. Психологические составляющие оптимального смысла жизни // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 3–16.
16. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1998.
17. Crumbaugh J. C. Cross-validation of purpose in life test based on Frankl's concepts // Journal of Individual Psychology. 1968. № 24. P. 74–81.
18. Maddi S. The existential neurosis // Journal of Abnormal Psychology. 1967. № 72. P. 311–325.
19. Maddi S.R. The search for meaning // The Nebraska symposium on motivation 1970 / W.J. Arnold, M.H. Page (Eds.). Lincoln: University of Nebraska press, 1971. P. 137–186.